

Александр Амфитеатров

Белый охотник

Александр Валентинович Амфитеатров

БЕЛЫЙ ОХОТНИК

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142642

Аннотация

«Это случилось в июльское полнолуние 1883 года.

Я был в гостях у моей соседки по имению, Зинаиды Петровны Берновой, праздновавшей в тот день свое рождение.

Когда гости собрались прощаться, уже совсем свечерело. Кто, по настоянию хозяйки, остался ночевать, кто отправился восвояси. К числу последних примкнул и я...»

Александр Амфитеатров

Белый охотник

Летняя фантазия

Это случилось в июльское полнолуние 1883 года.

Я был в гостях у моей соседки по имению, Зинаиды Петровны Берновой, праздновавшей в тот день свое рождение.

Когда гости собрались прощаться, уже совсем свечерело. Кто, по настоянию хозяйки, остался ночевать, кто отправился восвояси. К числу последних примкнул и я.

До моей усадьбы считалось от Берновки что-то около трех верст; дорога шла полем и, только близ самого моего дома, пряталась сажень на двадцать, на тридцать, в густой березняк – начало громадного казенного леса, покрывающего своей пущей добрую четверть Л-ского уезда. В наших местах не шалили; про волков тоже не было слышно, да летом они и не опасны; на всякий случай у меня в кармане лежал револьвер. Сообразив все это, я отверг любезное предложение Берновой снабдить меня экипажем и пустился в путь пешком.

Ночь была дивная. Луна успела высоко взойти и все еще поднималась по небу. Берновка стояла на сухом холме, но, минув ее околицу, я вступил в полусвет, полусумрак густого тумана, слегка посеребренного месяцем. Стало довольно свежо для июля, – впрочем, после ужина с достаточным ко-

личеством выпитого вина, после толкотни в душных накуранных комнатах, маленький холодок был даже приятен.

Я шел и думал о странных вещах, бывших несколько минут тому назад предметом общего разговора у Зинаиды Петровны. Мы беседовали о медиумических явлениях и главным образом о духовидении. Почти все гости рассказали по два, по три случая, более или менее подходящих к привлекательной теме.

Большинство рассказчиков хлестаковски импровизировало свои повествования, но некоторые казались искренними. Я молчал все время, хотя, если бы жалел, мог сообщить много небезынтересных фактов. Летопись нашего старинного рода полна таинственными происшествиями.

Между моими предками были странные люди.

Мой прадед, Никита Афанасьевич Ладынь, – самый крупный из этих чудаков: богач – вельможа XVIII века, он всю свою девяностолетнюю жизнь возился с магами, заклинателями, дружил с Сен-Жерменом, Калиостро, Месмером и едва ли не принадлежал к розенкрейцерской ложе. Сын его Иван Никитич, страстный ориенталист, провел свою молодость в странствиях по Азиатским землям и вернулся в цивилизованные края человеком как бы не от мира сего, одаренный способностью ясновидения и редкою магнетической силой. Он умер 22 марта 1832 года, в один день и час с Гете, которому был приятелем при жизни, и, говорят, предсказал это совпадение за день до кончины. Мой отец, человек

с трезвым умом и положительным характером, имел, как он выражался, психический изъян: он страдал галлюцинациями слуха и зрения. Приписывая свою болезнь наследственности от фантастов – предков, отец приложил все усилия, чтобы ослабить ее влияние на следующие поколения. Благодаря этому я получил самое материалистическое воспитание, рассудочное в ущерб воображению.

Я был тверд во внушенных мне правилах и до двадцати лет не проявлял особой нервности. Затем меня стали посещать припадки панического страха.

Мне внезапно делалось жутко быть одному, перейти в другую комнату, стоять спиной к двери или к зеркалу; жутко до того, что я бледнел, дрожал, обливаясь холодным потом. А между тем я не знал трусости пред явной физической опасностью. Около того времени на нашей ферме задурил бык и едва не забодал в моем присутствии скотницу; я схватил заступ, стал между животным и растерявшейся жертвой, ничуть не утратил хладнокровия и оглушил быка ударом по морде в ту самую минуту, как он собирался поднять меня на рога. Я пробовал бороться против страха: если меня пугала темнота, я шел в потемки, если мне чудился неопределенный шорох, я исследовал комнату, пока не убеждался, что сробел... перед мышами! Но как-то раз, в сумерки, я грелся у камина в своем кабинете. Меня посетил страх: «ты не обернешься назад, ни за что не обернешься!» шептал мне голос сердца. Верный своему репрессивному лечению, я обер-

нулся – дрожь пробежала по моему телу. Не подумайте, чтобы мне предстал какой-нибудь фантом; нет, я не видел ничего страшного, скажу даже: ничего явственного. Но (не знаю, точно ли я выражаюсь) я почувал в темном углу кабинета движение, или вернее: содрогание чего-то живого, чуждого мне. Не было никого, а как будто кто-то был в том месте. Я поясню примером, – его легко могут проверить своим опытом все, кому в удел достались чуткие нервы: в большом темном зале сидит А.; В. входит в зал без малейшего шороха, ни одним звуком, доступным человеческому слуху, не известив А. о своем приходе; тем не менее А., раз он нервно настроен, непременно почувет хоть на одну секунду В. и окликнет: «кто здесь?» Если уверять А., что ему «представилось», он согласится; но попросите его показать место, где «представилось», и А. безошибочно укажет сторону, откуда появился В. Близкое к подобной чуткости, только гораздо более волнующее, ощущение испытал я при описанном случае.

С тех пор движение стало бичем моего духа. Стоило мне остаться одному, и я уже чувствовал его пред собой.

В длинные зимние вечера я погибал от этого неуловимого мелькания. Даже общество не всегда спасало меня. Я считал и считаю свое движение болезнью, только отчасти психической, несомненно основанной на физиологических причинах: может быть, виной всему было поражение сетчатой оболочки, может быть, общее расстройство нервов привело в беспорядок и зрительный аппарат. Что главную роль в болез-

ни играли глаза, я вывожу вот откуда: ни осязание, ни слух не участвовали в припадках; я ни одного звука не слышал от движения, я ни разу не ощутил от него веяния.

Болезни глаз – дело темное. Еще Гиппократ описал женщину, чьи больные глаза внезапно начали увеличивать предметы с силой трехсистемного микроскопа нашего времени.

В ночь моего рассказа движение минуло меня. Я шел совершенно спокойно, не испытывая болезненного замирания сердца, обычного предвестника припадков, и скоро достиг леса. Здесь было так туманно, что, не зная я дороги, пришлось бы двигаться вперед ошупью.

Медленная ходьба и однообразная белизна сырого воздуха странно повлияли на меня: я впал в задумчивость, глубокую и отвлеченную, как магнетическое усыпление. Когда на встречу мне попался какой-то мужик, я мог еще разглядеть его высокую фигуру, видел, что он мне поклонился, но не помню, отдал ли я поклон, и положительно помню, что уже не слышал шума его шагов, хотя молодец, вероятно, сильно стучал крепкими каблуками сапог по укатанным колеям.

Долго ли я шел, не знаю; во всяком случае, больше получаса, т. е. времени, совершенно достаточного, чтобы неспешным шагом добрести от Берновки до моего жилища.

Большая сова тяжело поднялась на воздух над моей головою; мягкий шум ее полета заставил меня очнуться. Я огляделся: вокруг был лес, но незнакомый мне вдоль и поперек, березняк. Ноги мои тонули в росистой траве; поблизости не

было видно ни проселка, ни даже тропинки. Я забрел в болотистую лощину; невдалеке журчали воды ручья. Гигантские сосны обступали края лощины и, сквозь туман, казались еще громаднее, чем в действительности. Я терял голову в догадках, куда завела меня моя непонятная рассеянность и каким образом завела? По многим признакам мне казалось, что я – в так называемом Синдеевском Яру, хотя я очень желал обмануться, потому что Синдеевский Яр был скверным местом, где год назад едва не погиб мой брат Георгий: загнавшись туда за раненой лисой, он незаметно очутился, как и я теперь, между двумя извилистыми линиями высоких, почти отвесных обрывов; не трудно было в двух-трех местах скатиться вниз по мягкой глине, как с ледяной горы, зато не так легко взобраться опять наверх: глина, осыпаясь громадными глыбами, делала бесполезными все попытки. Зеленые лужайки лощины, при ближайшем знакомстве, оказывались обманчивым покровом сплошного топкого болота; в Яру нельзя было шагу сделать без опасности завязть в зыбучей трясине, как и случилось с Жоржем. Обдумав свое положение, я понял, что, даже в самом лучшем исходе, должен провести ночь в лесу, так как, если бы даже мне удалось выбраться из Яра, я заплутался бы в чаще. На линии лощины виднелось несколько просек; по какой из них я пришел, не было ни малейшего представления в моей голове. Я покорился своей участи и присел на первый попавшийся пенек. Было очень тихо. Только пугачи перекликались где-то очень

далеко и замечательно мерно: крикнет один – пауза – крикнет другой – опять такая же пауза – опять крик первого... Жутко было слушать их дикие вопли – сердце надрывалось.

Едва я принял спокойную позу, как ощутил близость движения. Я впери́л глаза в белую глубину тумана и скоро нашел сильно содрогающуюся точку: движение распространялось от нее, как лучи от круглой светильни, спектром и, чем ближе к окружности, тем слабее; весь спектр представлялся моему воображению аршина четыре в диаметре; он не перебегал с места на место, что случалось наблюдать мне раньше, а напротив, устойчиво держался первоначального центра. Сосредоточенное внимание к точке быстро привело меня ко сну – по крайней мере я не помню себя в течение довольно долгого времени до момента, когда голос, далекий, но резкий и ясный, назвал меня по имени. Я вскочил на ноги.

– Ау! Кто здесь жив человек? – закричал я.

Эхо прокатилось по просекам и смолкло. Пугач раздрающе ухнул и стих.

Ответа не было. Минута, другая, третья – наконец, с востока донесся до меня слабый отдельный оклик:

– Ни-ко-лай! Иди сюда, Ни-ко-лай!

Очевидно, меня хватились дома брат и дядя и надумались учредить за мной поиски. Я несказанно обрадовался, крикнул еще раз, что было мочи, и пошел в сторону голоса. Мне повезло сразу попасть на тропинку – узенькую, глубокую и вязкую, вероятно, протоптанную к водопою кабана-

ми: их много в нашем уезде; крупный зверь бросился с моего пути – белые полосы на спине обличили барсука. Я шагал неутомимо.

Голос по временам звал меня и все с одной и той же стороны. Я громко аюкал, однако мне не отвечали – значит, меня не слышали. Сперва я удивился, затем заключил, что попал в акустический фокус, весьма обыкновенный в лесных дебрях, если они разбросаны на холмах: звук с полной ясностью долетает сверху вниз и весьма слабо распространяется снизу вверх; иногда бывает и наоборот.

Кабанья тропа кончилась. Почва стала крепче; мелкие голыши шуршали под ногой. Скоро я уперся в каменистую стезю, протоптанную кверху обрыва.

– Николай! – отчетливо раздалось надо мной. Я был у цели! В две минуты, не больше, я вскарабкался по предложенному пути. Наверху никого не было.

Значит, брат, не слышав моих воплей, решился направить поиски в другую часть Яра. Как бы то ни было, он не мог уйти далеко. Я аюкнул и свистнул особым манером, хорошо известным Жоржу. Тогда произошло нечто необычное.

Я стоял на границе тумана. За мной, в лощине, было целое море паров; предо мной поднимался косогором темный сухой лес с широкой прогалиной, залитой лунным блеском. Оттуда, словно из отдушины, тянуло мне в лицо предрассветным ветром. Когда я свистком разбудил эхо, из-за плеч моих вырвались, отделясь от тумана, два огромных белых

клуба и полетели – как теперь я соображаю, против ветра – прямо в отверстие прогалины. В полете они словно таяли, уменьшались в объеме и все ниже, ниже приникали к земле...

– Николай! – дошло ко мне по ветру. Я поспешил на зов и там, где прогалина кончалась, упираясь в лиственную стену, издали зазрел высокого человека в белом кителе, с ружьем за плечами, и возле него сеттера, тоже белого.

– Это ты, Жорж? Я здесь! Долго вы меня искали? – заговорил я, но, приблизившись, убедился, что обращаю речь к молодой березке; оптический обман показал мне белого человека сажень на пятнадцать ближе, чем стоял он на самом деле, у поворота узкой тропинки, уходившей в глубь чащи. Я налег на ноги и настиг охотника настолько, что мог слышать фырканье его собаки. Еще шаг вперед, и светлый человек исчез в кустах, а когда опять появился на тропинке, то оказался еще на большем расстоянии от меня, чем раньше! Мысль о сверхъестественном явлении мелькнула в моем уме.

– Жорж! Довольно дурачиться! Остановись! – сказал я.

Ответа не было. Страх зашевелил мои волосы.

– Жорж! – повторил я, и голос мой дрожал и прерывался. – Жорж! скажи, что это ты... Я боюсь...

Ответа не было. Мы шли на полвыстрела друг от друга... Я на ходу вынул револьвер.

– Стой, Жорж! Умоляю тебя – не продолжай шутки... Я не могу больше терпеть: я выстрелю в тебя... я боюсь, боюсь...

Отвечай!

Ответа не было. Тогда я навел револьвер в спину охотника. Он остановился, повернулся ко мне лицом и, как мне показалось, с упреком покачал головой. Револьвер дрогнул в моей руке...

Призрак (я более не сомневался, что вижу призрак) опять тронулся вперед; я, весь дрожа, все-таки старался не отставать от него. Я не мог разглядеть черты лица странного вожакого: укрываясь в тени деревьев, он и его сеттер двумя чуть светящимися пятнами скользили на темном фоне леса.

Чаща редела: меньше попадалось под ноги бурелома, гниющих колод, ветви реже, чем прежде, хлестали в лицо.

И вот – светящиеся пятна вдруг потухли, исчезли. Вместе с тем последний строй векового леса остался за мной.

Я стоял на окопе – впереди расстилалась вниз по пригорку кудрявая кустарниковая опушка; при мерцании занимавшейся зорьки местность легко выяснилась: вдали чернели крыши моей усадьбы. Призрак не показывался более...

Красный шар солнца выкатился на горизонте, когда я был, наконец, дома.

Жорж спал в своей комнате, завалившись в постель с раннего вечера. Итак меня вывел из леса не он.

– Кто же? кто? – мучительно думал я и с этим вопросом уснул, поборенный усталостью и страхом. На утро, если бы не синяки от ушибов, не царапина на лице, не ломота в разбитых членах, меня никто не уверил бы в действительности

ночного приключения. Жорж вошел ко мне, когда я еще не вставал.

– Где ты вчера пропал? – заговорил он. – Я о тебе беспокоился. Даже во сне тебя видел, – цени! – и как еще скверно видел: будто ты застрял в Синдеевской трясине, и мы с Милордкой тебя оттуда выручаем...

– Как?! – Я поднялся с подушек.

– С Милордкой... Забыл разве покойника? Эх, славный сеттер был! Чутье неподражаемое... Да что с тобой?! – вскрикнул Жорж и бросился ко мне на помощь, – ты, кажется, собираешься падать в обморок? Эка! Побелел, как полотно...

Глаза мои подсказали Жоржу догадку. Он вздрогнул и побледнел вряд ли меньше меня...